

БЕДА ДОСТОЧТИМЫЙ – УЧЁНЫЙ, ФИЛОСОФ, БОГОСЛОВ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)*

17 мая 2011 года состоялась встреча исследователей из академических институтов Москвы (ИВИ РАН, ИФ РАН, ИМЛИ РАН) и МГУ¹ в рамках работы над проектом «Сочинения Беда в контексте современного гуманитарного знания (исследования и переводы)», направленного на изучение мировоззрения выдающегося средневекового ученого, историка и богослова Беда Досточтимого (Beda Venerabilis, 672 / 3–735). Проект ориентирован на выявление в работах Беда различных интеллектуальных традиций (глоссографической, комментаторской, теологической, антикварной и др.), а также на анализ воспринятых Бедой идей и понятий, зародившихся в Античности и усвоенных в трансформированном виде в Средние века. Участники проекта² не только обсуждали индивидуальные планы исследований, но и поделились своими работами. Ниже мы публикуем выдержки из докладов³ и обсуждений.

* Мероприятие проведено в рамках 3-х годовичного (2011–2013) проекта РГНФ (№ 11–01–00025а). Встреча участников прошла в Центре античной и средневековой философии и науки (ИФ РАН, Москва).

¹ В обсуждении приняли участие 11 человек, среди которых исследователи из Института философии и права СО РАН, Новосибирского государственного университета экономики и управления; Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

² Проект предполагает выполнение полных комментированных переводов трех сочинений Беда – натурфилософского трактата «О природе вещей» (De natura rerum), риторико-грамматической работы «Об орфографии» (De orthographia) и историко-теологического «Толкования на Апокалипсис» (Expositio Apocalypseos).

³ Темы докладов: *Т. Ю. Бородай* (к. филол. н., зав. отд. христианской культуры Института мировой культуры МГУ) «Натурфилософские проблемы в античной традиции и их отражение в трактате Беда “О природе вещей”»; *В. В. Зверева* (к. и. н., ст. н. с. ИВИ РАН) «Тексты Беда в историографии XIX–XX веков: традиции и новации»; *М. Р. Ненарокова* (к. филол. н., ст. н. с. ИМЛИ РАН) «Беда как экзегет (на примере Expositio Apocalypseos)»; *В. В. Петров* (д. филос. н., дир. Центра античной и средневековой философии и науки ИФ РАН) «Храмовая символика в александрийской экзегетической традиции и в текстах Беда»; *Он же.* «“О природе вещей” Беда и каролингская глоссографическая традиция»; *М. С. Петрова* (д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН) «Риторико-грамматические работы Беда в контексте лингвистического знания поздней античности и раннего средневековья (дисконтинуитет в континуитете)»; *А. Р. Фокин* (к. филос. н., ст. н. с. ИФ РАН) «Философско-теологическое учение Беда и его место в истории интеллектуальной культуры раннего средневековья»; *Он же.* «“Шестоднев” Беда в контексте философской и экзегетической традиции».

В сообщении **В. В. Зверевой** было отмечено, что сочинения Беды и его личность вызывали неизменный интерес в зарубежной историографии (первенство принадлежит англо-американской) на протяжении длительного времени (особенно, начиная с конца XIX в.). В пример были приведены ключевые работы (K. Werner, 1881; Ch. Plummer, 1896), направленные на изучение жизненного пути Беды в контексте политической и культурной истории англо-саксов, указано, что в ту эпоху произведения Беды (напр. «Церковная история народа англо») рассматривались как достоверные источники, способные дать информацию об англо-саксонских поселениях в Британии и ранних государствах, и как сведения о формировании английской исторической науки и культурной истории Британии. Уже в первой половине XX в. были предприняты попытки выявить круг источников, оказавших влияние на Беду и его мысль (K. Davis, 1933; M. A. Laistner, 1943; 1957). Изучалось творчество Беды и в контексте анализа его богословской системы (e. g. R. W. Hanning, 1966; P. Hunter Blair, 1970; 1976; H. Mayr-Harting, 1983; 1994; R. D. Ray, 1988 и др.): экзегезы и теологии (B. Capelle, 1935; T. Holland, 1935; G. H. Brown, 1987), а также в контексте риторики (R. Ray, 1987; N. Wright, 1981; L. Martin, 1986) и натурфилософии (C. W. Jones, 1994).

В. В. Зверева обратила внимание на тот факт, что в зарубежной историографии XX в. имели место попытки пересмотреть устоявшиеся взгляды на труды Беды. Такого рода исследования были условно разделены ею на два направления. Первое из них связано с изучением «реальности прошлого», которая, по мысли историков, так или иначе была репрезентирована в сочинениях Беды. Второе – с изучением особенности смыслополагания и интерпретацией работ Беды в свете раннехристианской историографической традиций (что требует от исследователя сосредоточенности на текстовом уровне, уделения особого внимания понятиям, риторике, цитатам, заимствованиям, наряду с критическим отношением к источнику, например, такому, как «Церковная история»). Ею также было отмечено, что в зарубежной историографии вплоть до настоящего времени основной тенденцией исследовательской деятельности является изучение литературного наследия Беды: 1) с историко-культурной точки зрения; 2) в ракурсе теологии, агиографии и богословия; 3) в контексте натурфилософских проблем (создания мира и человека; их взаимосвязь); 4) в контексте исследования англо-саксонского прошлого и истории Великобритании; 5) в аспекте изучения специфики сознания Беды; 6) с точки зрения выявления сочинений, оказавших на мысль Беды особое влияние, и определения его источников.

В отечественной историографии к настоящему времени изучены общие проблемы христианской книжной культуры в англо-саксонской Британии (О. А. Добиащ-Рождественская, 1934; Е. А. Мельникова, 1987); частично - проблемы истории англо-саксонских королевств и этногенеза у англо-саксов (В. В. Штокмар, 1973; К. Ф. Савело, 1977; Е. А. Шервуд, 1988; А. Г. Глебов, 1998 и др.). В 1980–2005 гг. возрос интерес к взаимосвязи устной и письменной литературной традиции (А. Я. Гуревич, 1984; М. Р. Ненарокова, 2003); особенностям процесса христианизации народов Европы; соотношению античной и христианской традиции в системе средневекового знания (Т. Ю. Бородай, 1988; Ю. А. Кимелев и Н. Л. Полякова, 1988; В. В. Петров, 1999). Отдельные сочинения Беда становятся предметом специального изучения, создается образ средневекового автора как богослова, историка и ученого (Н. Ю. Гвоздиков, 1996; В. Л. Ларионова, 1991; А. Р. Фокин, 2002; В. В. Зверева, 2008). Тщательно разбираются библейские комментарии Беда, проповеди, агиографические сочинения, жития (М. Р. Ненарокова, 2003, 2010); освещаются отдельные положения его риторико-грамматических работ применительно к латинскому грамматическому знанию раннего средневековья (М. С. Петрова, 2009). Имеются и русские переводы сочинений Беда или их обширных фрагментов, например, отдельные главы «Церковной истории народа англов» печатались под редакцией М. М. Стасюевича (1863), А. Р. Корсунского (1979) и М. Л. Гаспарова (1970). В 2001 г. были опубликованы полные комментированные переводы «Церковной истории народа англов» и «Письма к Эгберту», выполненные В. В. Эрлихманом. Комментированные переводы выполнены и участниками проекта: фрагменты трактата «О природе вещей» (Т. Ю. Бородай, 1988); «Жития святых аббатов монастыря в Веармуте и Ярроу» (Кн. I – В. В. Зверева, 2002; полный перевод – М. Р. Ненарокова, 2010); «Гомилия на праздник благовещения», «Жития блаженного Феликса» и «Жизнеописания пяти отцов-настоятелей» (М. Р. Ненарокова, 1998–2010).

В выступлении *М. С. Петровой* было отмечено, что работа над переводами сочинений Беда на новоевропейские языки была начата довольно давно, но еще далека от завершения. Были упомянуты появившиеся в конце XX – начале XXI вв. английские переводы текстов теологического и экзегетического характера (среди которых «О скинии», 1994; «Об исчислении времен», 1999), а также риторико-грамматических и эпистолярных работ («О метрическом искусстве», 1991; «О схемах и тропах священного писания», 1973, 1991; «Письмо епископу Эгберту», 1994). Обращено особое внимание на появление в феврале текущего года первого английского перевода трактата «О при-

роде вещей». Кроме того, М. С. Петрова отметила диссертационные исследования участников Проекта (М. Р. Ненароковой, В. В. Зверевой), посвященные изучению личности Беда и особенностям его творчества, которые впоследствии были переработаны в монографии, указав на уже сложившуюся в России традицию тщательного изучения текстов Беда.

В докладе **А. Р. Фокина** о литературном наследии Беда и его философско-теологическом учении, было показано, что Беда, будучи профессиональным теологом и экзегетом, одновременно интересовался всеми отраслями знания (физикой, астрономией, метеорологией, музыкой, хронологией, историей, математикой, риторикой, грамматикой, метрикой). Для Беда характерно было традиционное христианское учение о творении. Его космология находится в тесной зависимости, с одной стороны, от традиционной Аристотелевско-Птолемеевской космологии с ее представлениями о сферичности мира, центральном неподвижном положении Земли, естественных местах четырех элементов, огненной природе небесной сферы и др., с другой стороны, – от библейского рассказа о творении мира, предполагающем поэтапное создание ангелов, небесных тел, птиц, рыб, животных и человека. А. Р. Фокиным было отмечено, что для Беда человек есть не просто «малый мир» (*minor mundus*), но образ и подобие Божие, которые соотносятся с разумной душой (*mens rationalis*). Упомянуто о том, что философско-теологическое учение Беда, ставшее синтезом предшествовавшей западно-христианской и античной натурфилософской традиции, оказало влияние на многих последующих средневековых теологов (среди которых Павел Диакон, Алкуин, Рабан Мавр, Гинкмар Реймский, Пасхазий Радберт, Валафрид Страб, Флор Лионский, Фрекульф, Адон Вьеннский, Регинон Прюмский, Адельфрид Мальмсберийский, Бридферт, Фома Аквинский).

Выступление **Т. Ю. Бородай** было посвящено натурфилософии Беда, которая является элементом длительной традиции сочинений о природе, когда в одном труде объединялось и изложение натурфилософских принципов («учение о началах»), и общее описание космоса, говорилось о природе наиболее важных астрономических, метеорологических, географических, климатических, биологических явлений. Т. Ю. Бородай указала, что эта традиция, воспринятая Платоном («Тимей») и Аристотелем (написавшим по каждой теме отдельные сочинения, напр. «Физика», «Метеорологика»), была продолжена в эпоху эллинизма, когда появились сочинения «о природе вообще», излагающие мнения всех заслуживающих внимания греческих философов касательно природы. Было также отмечено появление в VII–VIII вв. двух латинских трактатов, традиционно озаглавленных «О природе вещей», со-

ставленных примерно по тому же плану, что и эллинистические доксографические сборники, которые принадлежали Исидору Севильскому и Беде. Анализируя трактат Беды, Т. Ю. Бородай пришла к выводу, что Беда находился под влиянием Исидора и делал прямое переложение его сочинения, сохранив практически без изменений его план (за исключением первой части – «Гемерологии», которой он посвятил несколько самостоятельных трудов). Однако, придерживаясь структуры трактата, Беда существенно изменил его характер. Он использовал не только неизвестные Исидору источники (напр. «Альмагест» Птолемея и «Естественную историю» Плиния), но и, вероятно, собственные наблюдения (что особенно ярко выражено в главе, посвященной приливам). Кроме того, Беда, отказавшись от свойственных Исидору символических толкований, ставил перед собой иную задачу – ответить на вопрос, как устроено мироздание. В заключение Т. Ю. Бородай отметила, что для своих современников и ближайших потомков Беда был более известен (и почитаем) как автор «пасхалий», поскольку в VI–VIII вв. правильное вычисление пасхального цикла была одной из главных задач, стоявших перед прикладной наукой. Благодаря ей во многих монастырях и Западной, и Восточной Европы необычайно возрос интерес к астрономии, арифметике и геометрии. В этой связи самая подробная и точная часть трактата Беды (почти независимая от Исидора) – астрономическая.

В докладе **В. В. Петрова** были рассмотрены особенности содержания и композиции сочинения «О природе вещей» Беды, а также обсуждены место и влияние трактата в традиции школьных комментариев Каролингского периода. Показано, что каждая глава этого трактата представляет собой выдержку из текста какого-либо авторитетного предшествующего автора (не только Исидора и Плиния, но и Августина и Амвросия). Отмечено, что среди источников Беды встречаются и редкие – например, работа Юнилия, в которой тот излагает учение сирийского автора Феодора Мопсуестийского. Показано, что к особенностям трактата Беды относится то, что в отличие, например, от Исидора, Беда начинает работу не с описания создания вселенной, а (отталкиваясь от Августина) с богословского и метафизического рассуждения о четырех аспектах творения мира Богом. Таким образом, библейскому нарративу предшествует богословское и метафизическое введение, повествующее о творении как о божественном делании. Было замечено, что в некоторых главах сочинения Беды ощутимо влияние ирландских источников, в частности «Книги о порядке творений» (*Liber de ordine creaturarum*). В. В. Петров также показал, что в Каролингскую эпоху это сочинение

Беды стало объектом комментирования многочисленных (подчас анонимных) авторов; работы некоторых из них были упомянуты.

Доклад **А. Р. Фокина** о «Шестодневе» Беды (представляющем собой первую книгу его пространного экзегетического комментария под названием «Четыре книги заметок на начало книги Бытия вплоть до рождения Исаака и изгнания Измаила, или Шестоднев» - *Libri quatuor in principium Genesis usque ad natiuitatem Isaac et eiectionem Ismahelis adnotationum, siue Hexaameron*) отчасти продолжил тему средневекового естествознания. Было показано, что в этом сочинении Беды рассматриваются вопросы о соотношении Творца и творения, о природе сотворенного мира, порядке творения, мировой хронологии, пасхальном исчислении, цифровом символизме и др. А. Р. Фокин отметил, что, говоря о библейской хронологии, Беда следует тексту Иеронимовой Вульгаты, а не старолатинского перевода. По тематике «Шестоднев» Беды близок к другим его натурфилософским и историко-философским трудам, таким как «О природе вещей», «О временах», «О порядке времен» и «Хронике». А. Р. Фокин также обратил внимание на факт издания Бедой этого комментария в двух редакциях. Первая, краткая редакция была написана ок. 717–718 гг. и состояла из двух книг (Ia и Ib), охватывавших первые три главы Книги Бытия. Написанная в классическом жанре «Шестоднева» первая книга (Ia) краткой редакции представляет собой подробное толкование шести дней творения мира и наступление седьмого дня покоя (Быт 1:1–2:3), в конце которой Беда дал историософскую интерпретацию шести мировых эпох. По мнению А. Р. Фокина, эту книгу, напоминающую собой дайджест патристических «Шестодневов», украшенный риторическими фигурами и образной речью, следует рассматривать как вполне оригинальное сочинение. Содержание второй книги (Ib) краткой редакции, посвященной рассказу о сотворении человека, его нахождении в раю, грехопадении и изгнании из рая (Быт 2:3–3:24), напоминает тот материал, который традиционно рассматривался в «Шестодневах» (или в непосредственной связи с ними) такими авторами, как Василий Великий, Григорий Нисский, Амвросий, Августин. Однако, по мнению А. Р. Фокина, эта книга комментария Беды уже не отличается оригинальностью, она напоминает собрание цитат, большей частью заимствованных из трактата Августина «О книге Бытия буквально». Впоследствии две книги «Шестоднева» Беда объединил в одну и добавил к ним еще три книги, охватывающие в целом с 4 по 21 главы книги Бытия (до события изгнания Агари и Измаила в пустыню Авраамом по настоянию его жены Сарры). Так появилась вторая, полная редакция, сохранившаяся в большинстве рукописей и известная нам сего-

дня. В целом, задачей было сделать компактное и сжатое изложение патристических толкований на книгу Бытия, поскольку все ранние версии отличались бóльшим объемом и требовали много времени для изучения. А. Р. Фокин также отметил, что «Шестоднев» Беды неоднократно издавался (последнее издание – Jones // CCSL. 118A. 1967), а его основными источниками были не только аналогичные труды предшествовавших христианских теологов (Августина, Василия Великого, Амвросия Миланского, Иеронима Стридонского, Григория Великого, Исидора Севильского), но и «Естественная история» Плиния Старшего и др.

В сообщении *М. Р. Ненароковой* особое внимание было уделено рассмотрению «Толкования на Апокалипсис», послужившего образцом для последующих авторов эпохи Каролингов (Алкуина, Рабана Мавра, Хаймона Гальберштадтского). Ею было отмечено, что, несмотря на отсутствие ранних англосаксонских кодексов «Толкования», рукописная традиция насчитывает порядка 113 списков (как с полным, так и фрагментарным текстом), которые в современной науке принято делить на четыре группы, объединенные по месту происхождения (группа α охватывает рукописи, возникшие на севере Франции [возможно, в монастыре Сент-Аманд], и распространившиеся в конце VIII–IX вв. в Зальцбурге и Рейхенау; группа β – связана с Туром [куда Алкуин привез ее архетип]; группа γ – наиболее пестрая и многочисленная, включает в себя списки с юга Германии [Сен-Галлен, Рейхенау, откуда они попали в Италию], а также из Корби, Мурбаха, Сэлсбэри; группа δ – списки, не зависящие от остальных групп, в основу которых положен некий англосаксонский список). М. Р. Ненарокова дала краткую характеристику основным манускриптам, положенным в основу критического издания Р. Грисона (Gryson // CCSL. 121A. 2001) и ранним печатным изданиям, в которые было включено «Толкование», а также обозначила источники Беды, которыми он пользовался при написании своего труда. М. Р. Ненарокова очертила круг вопросов, требующих первоначального решения при работе над «Толкованием», которые сводятся, в основном, не только к текстологии, но и к выявлению различных пластов культурной информации, имеющейся в этом сочинении Беды. Ею было обращено внимание на терминологию Беды (напр. *allegoria*, *figura*, *exemplum*, *symbolum*, *signum*). М. Р. Ненарокова также заметила, что чтение «Толкования» оставляет впечатление устного рассуждения, с одной стороны, и описания процесса рассуждения, с другой. Она указала на методы работы Беды при написании «Толкования»: использование эналлаги (риторической фигуры, характерной для проповедей). Она также отметила, что исследование «Толкования» в полном объеме с вы-

полнением его комментированного перевода поможет не только определить место этого текста в традиции иных толкований на Апокалипсис, но и (в свою очередь) соотнести его с восточно-христианской богословской традицией.

В. В. Петров посвятил свое сообщение обсуждению храмовой символики в александрийской экзегетической традиции и в текстах Беда. Он показал, что применительно к символической интерпретации храмовой архитектуры в работах христианских экзегетов, их комментарии восходят к трем имеющимся в Библии описаниям строительства храмов: сооружению Моисеем Скинии (Исх 35-40), строительству храма Соломона (3 Цар 6-7; 2 Пар 3-4) и воспроизведению храма Соломона в видении пророка Иезекииля (Иез 40-42). В. В. Петров также отметил, что начало александрийской традиции подобных толкований положено Филоном Александрийским в работе «О жизни Моисея» (кн. II, 13 [66] – 28 [141]), что, в свою очередь, толкования Филона были усвоены Иосифом Флавием (Иудейские древности V, 6-7) и Климентом Александрийским (Строматы V, 6, 32, 1 – 40, 3). Кроме того, у Иосифа Флавия имеется описание архитектурных деталей храма Соломона, лишенное характерного для Филоновской традиции аллегорического толкования (Иудейские древности VIII, 3-5). Отмечено, что в латинской традиции присутствуют как влияния Филона и Иосифа, так и примеры непосредственного толкования соответствующих мест Библии, например, *Commentarii in Hiezechielem* Иеронима и *Nomiliae in Hiezechihelam* Григория Великого, которым следует и Беда.

В этой связи В. В. Петров рассмотрел две специальные работы Беда: «О Скинии» (*De tabernaculo*) и «О храме» (*De templo*). Было показано, что в «О храме» Беда тяготеет к аллегорической интерпретации, уже в Прологе заявляя, что следует скрупулезно рассмотреть исторические детали строительства и устройства Храма, одновременно прозревая мистические значения соответствующих библейских описаний. Отмечено, что упомянутые работы Беда повлияли на каролингских авторов, в частности на Иоанна Скотта, который, обращаясь к *De templo* Беда в поэме «Звездный чертог», предложил королю программу того, как должен выглядеть храм христианского императора, повторяющий храм Соломона и предвосхищающий Новый Иерусалим.

М. С. Петрова в сообщении о риторико-грамматических работах Беда, в числе которых «Об орфографии», «О метрическом искусстве» и «О фигурах и тропах Священного Писания», сконцентрировала внимание на их источниках – текстах латинских грамматистов IV–V вв., античных и христианских поэтов. В частности, рассматривался вопрос, в

какой степени упомянутые «учебники» Беды зависели от Донатовой «Науки грамматики» (*Ars grammatica*). Обсуждались имеющиеся, немногочисленные параллели (как прямые, так и косвенные), свидетельствующие не столько о прямом знании Бедой Донатова текста, сколько о его намерении выстроить собственное рассуждение. Был сделан вывод, что тексты Беды, с одной стороны, демонстрируют зависимость от классической латинской грамматической традиции (на что указывают структура изложения, терминология и вокабуляр); с другой стороны, находятся внутри патристического и христианского грамматического дискурса (наличие заимствований у Отцов Церкви в пользу христианской грамматики). В итоге, в риторико-грамматических текстах Беды возникает иного рода учебник – учебник, предназначенный для учащихся-монахов, не говоривших на латинском языке как на родном. Такого рода учебные тексты транслировали большую часть традиционных образовательных приемов классической латинской грамматики, но перенаправили ее методы в русло христианского дискурса. Отмечено, что такой тип учебника появился сначала в Англии, а затем на Континенте.

Во время обсуждения вопроса об имени и когномене Беды, был высказан ряд соображений. В. В. Петров отметил, что в отечественной традиции нет единообразия в переводе латинского “*Veda Venerabilis*”. Если для имени собственного имеется два варианта – «Беда» и «Бэда» (что, помимо прочего, отвечает чтению манускриптов: “*Veda*”, “*Vaeda*”), то эпитет “*Venerabilis*” передают, как «Достопочтенный», «Досточтимый», «Почтенный». В этой связи было приведено мнение О. А. Добиаш-Рождественской: «Для нас всегда было непонятным, почему даже нынешний язык наш, ставящий идеалом чистоту и простоту Пушкина, переводит простое слово *Venerabilis* («Почтенный») ухищренным “Достопочтенный”» (1987 [1938]. С. 191. Прим. 18). В. В. Петров пояснил, что монах Беда был прозван “*Venerabilis*” в церковной среде; таким образом, *Venerabilis* – это и титул, присваиваемый св. Престолом за заслуги, и синоним слова «монашеский» (*Lexicon Latinitatis Medii Aevi* / Ed. A. Blaise). По мнению В. В. Петрова, параллель предоставляет православная традиция, в которой к священнику обращаются «Досточтимый». Если ориентироваться на этот узус, то правильным порядком слов будет: «Досточтимый Беда». Если же понимать “*Venerabilis*” как эпитет, закрепившийся исключительно за Бедой, а это так и есть, то предпочтителен обратный порядок слов: «Беда Досточтимый» (ср., напр., Максим Исповедник, Анастасий Библиотекарь и др.). Отвечая на вопросы: можно ли именовать Беду «Преподобным» (поскольку “*Venerabilis*” соответствует современному английскому “*Reverend*”) и

допустимо ли именование «Преподобный Беда», В. В. Петров привлек внимание участников Проекта к переводам агиографических статей из журнала “Orthodox England” (<http://www.pravoslavie.ru/> [май, 2011]). В одной из них [см.: *Протоиерей Андрей Филлипс*. От Саффолка до Киева: Преподобный Ботольф Икенский, покровитель путешественников] встречается фраза о том, что «Кеолфрид стал игуменом монастыря в Уирмуте, а *Преподобный Беда Достопочтенный* был одним из его любимых учеников» (Пер. Дм. Лапа / Orthodox England. Vol. 5. № 4). Поскольку «Преподобный» – звание, присваиваемое Церковью, для отечественных переводчиков естественно (хотя и необязательно) ориентироваться на традицию Русской Православной Церкви. Однако, по мнению В. В. Петрова, в этом случае становится важным, почитается ли Беда «Преподобным» в православии вообще, и в Русской Православной Церкви (РПЦ), в частности? Таким образом, заключил В. В. Петров, ответ должен лежать в канонической плоскости.

По этому вопросу мнения разделились. М. Р. Ненарокова указала, что Беда принадлежит к сонму святых РПЦ, поскольку почитается в Суражской епархии (см. Альфа и Омега 4 [18]. 1998. С. 246). В. В. Петров отметил, что ему неизвестно, какие святые православной Англии включены в святцы РПЦ, и существует ли вообще официальный список святых «в земле Английской просиявших». В заключение, участники дискуссии согласились с тем, что в работах коллективного проекта предпочтительно именовать автора «Беда Досточтимый».

При обсуждении проблемы изучения сочинений Беды в контексте современной истории, лингвистики и натурфилософии, было выражено общее мнение участников Проекта, состоящее в необходимости выполнения и введения в научный оборот комментированных переводов ряда других его трактатов – прежде всего, «О метрическом искусстве» и «О фигурах и тропах Священного писания» (что позволит более четко проследить процесс становления латинской грамматической традиции), а также «О храме» и «Шестоднев», поскольку богословие Беды носит, преимущественно, экзегетический характер. В этой связи было привлечено внимание и к корпусу текстов, лишь приписываемых Беде, из которых был выделен натурфилософский трактат «Об устройстве мира» (*De mundi celestis terrestrisque constitutione* [Burnett, 1985]).

Заседание завершилось обсуждением возможности опосредованного восприятия элементов античного научного знания русской учёностью XVI–XVII вв. В этой связи М. С. Петрова указала на глоссы, встречающиеся в грамматическом тексте, атрибутируемом Дмитрию Герасимову, которые по построению напоминают те, что имеются у

Беды. В заключительной части одной из таких глосс (приведенной для разъяснения имени “musa”) дано описание геоцентрической системы мира в контексте античных учений о гармонии небесных сфер: «...девять звуков, которые производят небесное сладкогласие; первые семь – семь планет, восьмая же – твердь [небесная]; девятая – Земля, которая не сама по себе вращается, а вокруг себя вращает прочие сферы; и того рода звук едва различается среди прочих звуков», – где твердь небесная соответствует твердой сфере, которая в Античной традиции охватывает семь планетарных сфер и называется «Апланес» (ср., напр., *Macr. Comm* I, 9, 10; I, 17, 1-3). М. С. Петрова высказала предположение, что разъяснение такого рода, скорее всего, содержалось в том латинско-немецком источнике (или учебнике), с которым работал Дмитрий, и указала, что на вопрос: могли ли тексты Беды непосредственно повлиять на немецких составителей таких глосс, ответа пока нет, поскольку глоссографическая традиция раннего европейского Средневековья плохо изучена. Однако ею был отмечен факт известности текстов Беды во Франкской империи, в состав которой входили территории, впоследствии получившие название «Германия». Факт включения подобных глосс в русские тексты и содержание таких глосс необходимо учитывать при изучении европейской глоссографической традиции.

Участники Проекта выразили надежду, что результаты их работы не только составят коллективную монографию и инициируют дальнейшую исследовательскую (и переводческую) деятельность по изучению трактатов Беды, но и будут использованы в практике преподавания специальных курсов по источниковедению, историографии, интеллектуальной истории, истории философии и культуре Средних веков, специальных исторических дисциплин, а также латинского языка.

М. С. Петрова

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; beionput@mail.ru